

**МЭТР
РОССИЙСКОГО
КИНО РАССКАЗАЛ
КОРРЕСПОНДЕНТУ
«ВП»
О ТАРКОВСКОМ
И О СВОИХ
УЧЕНИКАХ,
О СВОЕМ НОВОМ
ФИЛЬМЕ
«ФРАНКОФОНΙΑ»,
А ТАКЖЕ О ТОМ,
КТО «ВСЕ ИСПИЛ
ДО ДНА»**

На фестивале Александру Сокурову подарили пейзаж с видом города Юрьевца.

— На вступительных испытаниях вы задавали им какие-нибудь вопросы?

— Я смотрел на их лица и на реакции. На вопросы они, как правило, отвечали с большим трудом.

— А в случае с выбором актера на роль все иначе? Как-то сложнее?

— Уверен, актер должен быть симпатичен режиссеру внутренне. И внешне. Обязательство. Даже если актер играет у вас Гитлера. Потому что если актер не симпатичен, вы не сможете быть с ним искренним, а значит, не сможете с ним долго работать. В первую очередь — человеческая привязанность, и так всегда и во всем.

— Я почему-то думал, что с предложением снять «Франкофонию» к вам обратились французы, скажем, руководство Лувра, — после того как увидели «Русский ковчег». Но, как я узнал, импульс исходил от вас?

— В каком-то смысле это было встречное движение. Я никогда не работал по заказу. Для меня это невозможно. Это не означает, что работать по заказу плохо. Но меня Господь от этого уберет. Если ты с самого начала чувствуешь себя автором произведения, это поможет тебе довести работу до конца вне зависимости от трудностей. А если идея навязывается, если это чужая идея, здание фильма обрушится раньше времени. Ты сам, своей головой, поддерживаешь свое строение. Ты можешь опираться только на себя самого, не на кого-то.

**ИСТОРИЯ ИМЕЕТ
К НАМ ПРЯМОЕ
ОТНОШЕНИЕ**

— Приступив к съемкам «Франкофонии», вы говорили, что погрузились в литературу по теме Второй мировой. У вас — как у историка по первому образованию — произошел какой-то пересмотр этой темы?

— Без всякого сомнения, ведь я работал с документами, которые раньше, в других обстоятельствах, мне никогда бы не попались. Меня интересовало функционирование нацистского государства, армии; интересовало, как это государство осуществляло власть на занятой территории, как стремилось договориться с населением. Что это вообще такое? И как историк я открыл для себя новые факты. Скажем, я впервые прочел текст объявления войны Советскому Союзу. Нам всегда говорили, что Германия напала на СССР без объявления войны. А я этот текст читал, и там все точно расписано: по какой причине осуществляется нападение, почему для нацистов невозможно дальнейшее

мирное сосуществование с Советским Союзом, его коммунистическим режимом, большевизмом. По-немецки точно и конкретно. Это очень серьезный документ. Не знаю, опубликован он у нас или нет, но в печати на русском языке он мне не попадался. И подобных примеров много.

— Всегда, когда работаешь с хроникой, погружаясь в ушедшие времена, начинает казаться, что они, хоть удалены от нас, имеют к нам непосредственное отношение. А в случае со Второй мировой и подавно. Я вдруг поймал себя на том, что могу осмыслить этот период почти как современник, поскольку и отец мой воевал, и много артефактов исторических нас окружает. Вторую мировую мы еще можем углубленно понять, не поверхностно, в отличие, допустим, от войны с Наполеоном, которая тоталь-

ры в сторону XIX века. Это столетие подарило нам не только великую французскую литературу, но и русскую, и английскую. Флобер, Золя, Диккенс, Толстой... Начнешь перечислять — не остановишься.

— А приступая к сюжету, который стал уже культурным мифом (как в случае с «Фаустом»), вы не боитесь влияния предыдущих трактовок?

— Нет. Во-первых, я ничего не смотрю. Когда я снимал «Фауста», я посмотрел только старый немой фильм. Я читаю — и мне достаточно проблем и труда с текстом Гёте. Зачем мне что-то еще смотреть? Я иду к первоисточнику, там для меня главное. Все самые существенные проблемы, весь код произведения — в нем самом, в этом тексте. И только в этом тексте.

— Я своим студентам говорю: идете из дома в университет — не смотрите по сторонам. Не смотрите на эту бездарность архитектуры, вывесок, покраски стен и прочего. Не смотрите! Не смотрите телевидение! Категорически ограждайте себя от сорных визуальных впечатлений. Конечно, если вы не живете во Флоренции или Венеции...

но отдалена от нас. Вот почему Наполеон уже национальный герой не только во Франции, но «принят» и в России. А вообще-то он был убийца и злодей. Так его называли, когда его войска ступили на российскую территорию. Представить себе, что к нему в России будет такое отношение, как сейчас, было невозможно. Поэтому, уверяю вас, к Гитлеру через некоторое время будет такое же отношение. Современники уйдут, этой темой все переболеют, острота уйдет, и от войны останутся только некие рациональные представления. К сожалению, со многими войнами так происходит.

— В Петербурге я видел вас на спектакле Андрия Жолдака «Мадам Бовари». Насколько вы, вложив душу и время в какой-то сюжет (я имею в виду ваш фильм «Спаси и сохрани» по Флоберу), ревностно относитесь к другим трактовкам?

— Никакой ревности. Потому что ни я, сняв фильм, ни этот режиссер, поставивший спектакль, на самом деле не имели особого права это делать. Флобер сказал все, что считал нужным, и точка. И точка. Все остальное — уже наш произвол. Может, оттого что у нас нет материалов и инструментов, адекватных тому, что делали писатели XIX века. Они создали такой массив, такое фундаментальное художественное основание (включая сюжеты, образы, характеры), которое недоступно современным писателям. Поэтому мы периодически и обращаем свои взоры

наematографистов, знают ли они фильмы Сокурова, я нередко слышу: «А как же? Ведь это — основа современного кино»...

— Это круг профессионалов. Я ведь смотрю, например, Висконти, потому что к этому обязывает профессия; хотя знаю, что мои ровесники из художественной среды никогда это кино не видели. Даже Эль Греко видели не все нынешние живописцы. То, что узкий круг кинематографистов знает обо мне, не значит, что я здесь кому-то нужен. Иные мои фильмы в России никогда не показывались и, полагаю, никогда показаны не будут. На российском телевидении есть соответствующее распоряжение, понимаете? Чем мне гордиться? Я просто режиссер, я делаю то, что могу; и то, что не смотрит огромное число моих соотечественников. Я это знаю, и это объективная ситуация.

И вообще я уверен, что совсем необязательно людям смотреть кино. Книжки читать надо. А вот фильмов в своей жизни надо посмотреть 5 — 6, максимум 10 — конечно, избранных, чтобы тему кино снять с повестки дня, с повестки жизни.

— Какие это фильмы?

— «Человек из Арана» Роберта Флаэрти, «Стачка» Эйзенштейна... Обязательно нужно посмотреть «Атланту» Жана Виго... И в эти 10 фильмов, уверяю вас, мои не входят.

— А фильмы Тарковского?

— Наверное, для кого-то да. Мне кажется, можно посмотреть Довженко, который исчерпывает темы авторского кино от начала до конца. (Берет со стола стакан с квасом. — Прим. авт.) Вот как я сейчас возьму, выпью квас из стакана (выпивает), так и Довженко все испил до дна. Он все за всех сделал. Видите, что в стакане осталось? Одна пена (смеется). Как всегда.

— И такой вопрос напоследок. Вы по особому отреагировали на мои слова о том, что это интервью для газеты «Вечерний Петербург», как будто знаете о ней не понаслышке...

— Просто я хорошо был знаком с Олегом Константиновичем Рудновым, основателем Балтийской медиа-группы, который в свое время много сделал для меня, дал мне возможность экспериментировать на телевидении. Он отдал ночное вещание телеканала «100ТВ» — с полуночи до шести утра — полностью в мое распоряжение. Это позволило мне и моим коллегам очень многое попробовать в телевизионной форме. Что будет с медиа-группой после смерти Руднова, я не знаю. Пресса, не отмеченная желтизной, не пользуется успехом у широкой публики. Как и мои фильмы, кстати.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО
Фото автора

Мнение нашего собеседника может не совпадать с мнением редакции.